

УДК 94(476)«1914/1917»

ОТНОШЕНИЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ
К ВЛАСТИ В 1914–1917 ГОДАХ

Е.В. КУЛАБУХОВА

(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

Рассматриваются вопросы, связанные с отношением священнослужителей белорусских губерний к власти на протяжении второго десятилетия XX века. Анализируются изменения во взаимоотношениях белорусского православного духовенства с правительством на протяжении нескольких лет, начиная с 1914 и заканчивая 1917 годом. Обоснованно делается вывод о том, что до февральских событий 1917 года белорусские православные священно- и церковнослужители поддерживали существующий государственный строй и выступали в защиту самодержавия. Однако религиозный вопрос в общественной жизни государства оставался нерешенным. После прихода к власти Временного правительства престиж Российской православной церкви стремительно падал, а после прихода к власти большевиков и вовсе на территории белорусских губерний начался процесс расцерквления и секуляризации.

Введение. Российская империя вступила в XX век с рядом нерешенных проблем, которые стали причиной нарастающего кризиса в обществе. В начале XX века Российская православная церковь (далее – РПЦ) оставалась частью государственного механизма и представляла собой многочисленную и разветвленную организацию. Духовенство было полностью интегрировано в самодержавную систему власти. Белорусские православные священно- и церковнослужители, как и прежде, несмотря на некоторые разногласия с правительством, во всем поддерживали Николая II вплоть до последнего дня его царствования.

Основная часть. В годы Первой мировой войны, когда после недолгого затишья в стране обстановка вновь накалилась, служители церкви напомнили народу о том, что нельзя терять веру в царя и в Бога. Они с самого начала пытались оправдать войну авторитетом религии, проповедуя о том, что война – наказание божье за грехи, за «шатание умов, за неуважение к вере, за отход от религии», что в войне совершается суд божий над народами мира. По словам православного духовенства, война является грозой, очищающей русскую землю и воспитывающей в народе «величие духа». В церквях совершались всенародные моления «о даровании победы российским воинам». Рабочим и крестьянам предлагалось оставить «взаимные несогласия» и сплотиться вокруг царского престола и церкви [1, с. 151, 152]. Подобная тенденция проявилась в это время и в действиях белорусских православных священнослужителей.

Особенно усилилась церковная пропаганда в связи с неудачами на фронте и затяжным характером войны. Оправдывая царское правительство, не подготовившееся к войне, священники проповедовали, что успех в войне зависит не от оружия и боеприпасов, а лишь от «божьей помощи» [1, с. 156].

С начала войны значительно активизировалась деятельность военного духовенства, основная обязанность которого заключалась в том, чтобы «возвышать дух армии». В воинских частях читались проповеди об обязанностях солдат во время войны, давались советы, как, не щадя своей жизни, служить «верой и правдой» царю [1, с. 154–155]. Защищая царское правительство и оправдывая мировую войну, представители церкви вели также систематическую борьбу с «внутренним врагом» – революционной социал-демократией [1, с. 153]. Отношение православных священнослужителей на территории белорусских земель к большевистской партии в последующем стало все более негативным по причине атеистической политики, проводимой большевиками [2, с. 77].

После свержения в России абсолютной монархии власть в стране перешла в руки Временного правительства. Революционные события февраля–марта 1917 года иерархи РПЦ встретили неоднозначно. С момента обнародования Высочайших «Актов» Николая II и вел. кн. Михаила Александровича (2 и 3 марта) до появления 6 марта первой официальной реакции Св. Синода на революционные события большинство архиереев не спешило выявлять свои политические симпатии [3, с. 109]. В начале священнослужители различных конфессий выжидали, пытались понять, сможет или нет вернуться Россия к монархии. Когда же убедились, что этот возврат невозможен, попытались определиться в своем отношении к новой власти. Быстрее с этим вопросом разобрались представители православия, которых отречение Николая II от престола освободило от необходимости хранить верность монарху. Представители РПЦ совершали молебны по поводу решения Временного правительства вести Первую мировую войну до победного конца, а также по поводу других действий новой власти.

Эта же тенденция нашла свое выражение и в Северо-Западном крае. Факты свидетельствуют о том, что православное духовенство оказывало сильное воздействие на население белорусских губерний. Так, крестьяне Столинской, Теребежовской и Плотницкой волостей Пинского уезда Минской губернии горячо приветствовали Временное правительство и молили Бога о даровании побед русской армии. Крестьяне Жу-

ховичской волости Новогрудского уезда той же губернии единодушно подчинились Временному правительству и уже 15 марта 1917 года пожертвовали на победу в войне одну тысячу рублей [2, с. 76].

В определении № 1207 «Об обнародовании в православных храмах актов 2 и 3 марта 1917 г.» Синод 6 марта 1917 года распорядился отслужить во всех церквях молебны возгласением многолетия «богохранимой державе Российской и благоверному Временному правительству ея»: «Святейший Правительствующий Синод Российской Православной Церкви, выслушав состоявшийся 2 марта 1917 года акт об отречении Государя императора Николая II за себя и сына от престола Государства Российского и о сложении с себя Верховной власти и состоявшийся 3 марта 1917 года акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия Верховной власти впредь до установления в Учредительном собрании образа правления и новых основных законов Государства Российского, ПРИКАЗАЛИ: Означенные акты принять к сведению и исполнению и объявить во всех православных храмах, в городских – в первый по получению текста сих актов день, а в сельских – в первый воскресный или праздничный день, после Божественной литургии, с совершением молебствия Господу Богу об утишении страстей, с возгласением многолетия Богохранимой Державе Российской и Благовременному Правительству ее» [4, л. 2а; 5, с. 14].

Временное правительство в проповедях и воззваниях иерархов объявлялось как «Богом данное», правящее «с Божией всеильной помощью». Показательно содержание молитвы, составленной по инициативе епископа Витебского Кириона (Садзегелли) в первой половине марта для чтения во всех церквях Полоцкой епархии. Он призвал свою паству молиться с помощи Божией в «созидательной работе нового, облегченного доверием народа правительства», для «увенчания успехом» трудов новой власти. Причем в проповеди Кириона, прозвучавшей в кафедральном соборе Витебска, содержались едва ли не восторженные чувства о произведенном государственном перевороте, а Государственной думе объявлялась «честь и слава» за то, что та взяла власть в стране в свои руки. Его проповедническое обращение завершалось следующими словами: «Провозглашаю от чистого сердца: «Да здравствует Временное Правительство!» [3, с. 110, 114].

Из речи епископа Полоцкого и Витебского Кириона (Садзегелли) в кафедральном соборе Витебска 5 марта 1917 г.: «...Христолюбивое воинство, пастыри церкви и граждане... Сплотимся в один великий союз около Временного правительства, исполняя для блага нашей священной родины все его распоряжения. Да поможет нам сам Бог Своею всеильною благодатию в это тяжелое время исполнить верно святую свою обязанность. Помолимся же усердно о мире всего мира и о благосостоянии всех учреждений государственных; да поможет Он Временному правительству увенчать успехом свои труды. Провозглашаю от чистого сердца: «Да здравствует Временное Правительство» [5, с. 11].

Приветствия, молитвенные пожелания успехов и благополучия были высказаны Временному правительству в телеграммах, посланных 3–6 марта на имя председателя правительства князя Г.Е. Львова, председателя Государственной думы М.В. Родзянко и обер-прокурора Св. Синода в. Н. Львова от архиереев нескольких епархий, в частности Полоцкой и Могилевской [3, с. 111]. Телеграмма Родзянко, посланная епископом Полоцким и Витебским Кирионом (Садзегелли) от 5 марта 1917 г.: «5 марта отслужена литургия и молебен о даровании Временному правительству силы к скорейшему восстановлению государственного общественного порядка в дорогой отчизне. Да здравствует Временное правительство» [5, с. 126; 6, л. 8]. Из речи архиепископа Могилевского и Мстиславского Константина (Булычева) в кафедральном соборе Могилева от 8 марта 1917 г.: «...Власть перешла теперь в руки нового правительства. Новые правители высказывают теперь желания и обещания приложить все силы на служение благу народному. Да благословит Господь их труды и да даст им силы вывести наше дорогое отечество на путь славы, счастья и благоденствия. ...каждый из нас должен исполнять обязанности того звания и служения, которое он носит, честно: не за страх, а за совесть, памятуя об ответе перед Богом и долге перед Родиной... Вознесем же усердную молитву ко Господе, да укрепит Он силы нового правительства и всех граждан в их трудах для возвеличения дорогой всем нами России...» [5, с. 24].

Таким образом, к 9 марта революция уже оценивалась Св. Синодом как «свершившаяся воля Божия», что подтверждается словами из послания Синода «К верным чадам Православной Российской Церкви» от 9 марта 1917 г.: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути... Святейший Синод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного Российского Правительства, да даст ему силу, крепость и мудрость, а подчиненных ему сынов Великой Российской Державы да управит на путь братской любви, славной защиты Родины от врага и безмятежного мирного ее устроения» [5, с. 27–28; 7, л. 75–75 об.].

Политическая позиция епископата в период Февральской революции послужила одним из важных факторов, решивших судьбу монархии. Как видим из всего вышеизложенного, весной 1917 года епископат активно способствовал признанию новой власти в центре и на местах, призывая к этому и духовенство своих епархий, которое в свою очередь влияло на сознание многомиллионной паствы. Призывы к признанию Временного правительства, спокойствию и созидательному труду побуждали народ к повиновению новой власти, способствовали формированию у него положительного отношения к свержению династии Романовых, что обуславливало их политическую переориентацию [3, с. 112, 119; 8, с. 88].

Признание епископатам новой власти происходило на фоне и под влиянием массового революционного настроя, охватившего с первых чисел марта 1917 года население страны. В те дни монархические идеи были крайне непопулярны, и государственный переворот воспринимался как насущная необходимость для спасения Российской империи. В проповедях епископата весной 1917 года часто звучали слова о том, что Церковь не связана неразрывно с определенной формой государственного правления, и что для церковной молитвы безразлична форма государственного строя, поскольку «нет власти не от Бога: существующие же власти от Бога установлены». Отсюда иногда делалось заключение едва ли не о богоустановленности Временного правительства, а осуществленный политический переворот получал церковную санкцию. За этим стояло стремление иерархов разъяснить духовенству и пастве, что царская власть лишь внешне связана с церковной и не имеет к ней прямого отношения. Подтверждением тому является факт, что ни в одном из известных официальных документов Церкви, выпущенных весной и летом 1917 года, ни Николай II, ни кто-либо из российских императоров не именовались помазанниками Божиими. В качестве основных факторов, которые привели Российскую империю к Февральской революции и перемене государственного строя, иерархи выдвигали «неисповедимый Промысел Божий», проявление «Божественной воли» или свершившийся «суд Божий» за «порабощение» Церкви императорской властью и препятствия к восстановлению патриаршества [3, с. 110, 113].

В целом проповедь российского епископата весной и летом 1917 года была направлена на умиротворение народа: звучали призывы к братолюбию, к установлению государственного и общественного порядка, к подчинению Временному правительству как законной власти. В проповедях едва ли не всех архиереев говорилось о необходимости мобилизации всех граждан страны для победы над внешним врагом – Германией. Проповеди перекликались с содержанием общих и частных обращений и воззваний, выпущенных Временным правительством весной 1917 года: к армии и флоту, к офицерам и солдатам, к жителям деревни, к помещикам, земледельцам и проч. В них содержались призывы всемерно поддерживать фронт, строго соблюдать рабочую и воинскую дисциплину, говорилось о необходимости сплочения всего общества вокруг правительства с целью доведения войны до победы. Отстаивание рубежей России отождествлялось с защитой гражданских свобод и нового строя государственной жизни, а поражение на фронте – с возвратом к прежнему старому порядку. Таким образом, в главных положениях обращения к народу духовных властей и светского правительства совпадали [3, с. 114, 115].

Факт, свидетельствующий о том, что в подавляющем большинстве церковные иерархи занимали умеренную позицию к свержению самодержавия, подтверждается тем, что епископат принимал участие в своеобразных заместителях народных восстаний против старого режима, именуемых «праздниками революции» и проходивших в марте 1917 года по всей стране. Во многих городах, в частности в Минске, Витебске, службы в честь «праздника освобождения России» возглавляли местные архиереи. Эти службы проходили в кафедральных соборах и на городских площадях. Зачастую во время «праздников революции» граждане присягали на верность государству Российскому и новой власти с участием духовенства (так, служители алтаря подавали православной пастве для целования крест и Евангелие) [3, с. 116; 8, с. 71]. То, что светские власти отводили православному духовенству заметную роль в революционных праздниках, подтверждается признанием властью значительного влияния духовенства на массовое сознание населения, а также поддержкой этой власти самими священнослужителями. Проведение в эти дни торжественных публичных богослужений с участием архиереев и многочисленных священно- и церковнослужителей свидетельствует не только о наличии определенной политизации весной 1917 года церковной жизни, но и о стремлении духовенства занять достойное для себя место в новой социально-политической обстановке [3, с. 117; 8, с. 77].

Быстрый переход духовенства на сторону новой власти (совершившийся буквально в первых числах марта 1917 г.), участие священнослужителей в торжествах по поводу свержения монархии и их «опьянение» свободой историки объясняют четырьмя факторами. Первый – это недовольство архиереев своим «порабощенным» положением в стране: духовенство с начала XX века постепенно становилось в оппозицию к царской власти, стремясь освободиться от государственного надзора и опеки, желая получить возможность самоуправления. Это освобождение связывалось со свержением царской власти, о чем весной и летом 1917 года духовенство признавалось как в устных проповедях, так и в церковной периодической печати. В частности, утверждалось, что демократическая форма правления в отличие от самодержавной дает более благоприятные условия развития церковной жизни. Вторым фактором – желание духовенства подчеркнуть свое единство с паствой с целью усилить свои позиции в будущей политической системе государства. В третью очередь влияло вполне искреннее чувство радости по поводу наступления долгожданных церковных и гражданских «свобод», декларированных Временным правительством. И наконец, четвертый – страх перед возможными преследованиями: объявление кем-либо своей оппозиционности могло иметь следствием отстранение священника от прихода, а архиерея – от кафедры. К тому же на политическую переориентацию отдельных представителей епископата в течение первых дней и недель весны 1917 года влиял и страх перед революционными событиями [3, с. 118; 8, с. 87].

Во внутрицерковной жизни весной и летом резко обозначился кризис. Высшая иерархия стремительно теряла власть над священниками. Святой Синод получил от епархиальных архиереев множество жалоб на падение на местах церковной дисциплины. Епископы докладывали, что приходские священнослужители прекратили сдавать в консисторские кассы деньги, необходимые на епархиальные нужды. Соответственно, резко снизились и перечисления средств Синоду. Падение церковной дисциплины проявилось и в том, что в рассматриваемый промежуток времени местные епархиальные съезды духовенства нередко низлагали или предпринимали попытки низложить своих правящих архиереев. Во многих областях среди духовенства организовывались различные обновленческие союзы, в своих программах ставившие целью не только либерализацию религиозной жизни и проведение коренных преобразований церковного строя, но и захват власти в епархиях. Вследствие этого иерархи стали переходить в оппозицию революции. Они начали связывать свои надежды на восстановление внутрицерковной дисциплины, если не с сильной властью в стране, то с установлением «церковного монархизма» – патриаршества [3, с. 119; 8, с. 88–89].

Революционные иллюзии духовенства стали рассеиваться вместе с наступлением общего разочарования граждан Российской империи в политике Временного правительства. В июле – августе 1917 года в проповедях епархиальных архиереев зазвучали тревожные ноты о грядущих судьбах Российской империи, ее народа и православной церкви. К этому периоду стала очевидна неспособность Временного правительства проводить необходимые реформы и удерживать страну от нарастающей анархии и хаоса [3, с. 119; 8, с. 88]. В связи с этим усилилась контрреволюционная агитация духовенства, особенно во время корниловского мятежа. Не остались в стороне от контрреволюционного заговора Корнилова и церковные деятели. В июле 1917 года после долгожданного определения Св. Синода, утвердившего «Положение о созыве Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви», начал работу Поместный собор, участники которого в дни подготовки и проведения корниловского мятежа обратились к широким массам с воззванием о поддержке контрреволюции. «Не время колебаться, – писали они в своем обращении к народу, – преступно всякое малодушие и колебание» [1, с. 167]. Однако вопреки ожиданиям белорусских православных священно- и церковнослужителей, Собор не выдвинул вперед религиозный вопрос в общественной жизни, не отвлек народные массы от революции, от решения назревших социально-экономических и политических вопросов. Ни предотвратить, ни отсрочить новую революцию Собор был не в состоянии, хотя и стал одним из центров сплочения ее противников [9, с. 430]. Необходимо отметить, что в августе – октябре 1917 года в адрес Поместного собора поступило несколько писем, в которых отразилось смутение в умах мирян, вызванное отречением Николая II. Они выражали страх гнева Божьего за свержение монархии, фактическое отвержение православными помазанника Божия и предлагали объявить личность Николая II неприкосновенной, вступить за находящегося в заточении государя и его семью, соблюдать грамоту Земского собора 1613 года о верности народа династии Романовых. Авторы писем осуждали пастырей за их фактическое предательство царя в февральско-мартовские дни и за приветствование различных «свобод», приведших Россию к анархии. Священнослужителей РПЦ они призывали к покаянию за оказанную поддержку свержения монархии. Некоторые обращения содержали просьбы освободить народ от прежней присяги¹ на верность императору. От этого, по мнению авторов писем, над народом Российской империи тяготел грех клятвоступления. Православные просили церковную власть снять со своей совести этот грех. Но несмотря на продолжительное время своей работы, Собор не отозвался на эти письма: протоколы его заседаний никаких сведений об этом не содержат [10, с. 53].

Накануне победы большевиков престиж РПЦ был особенно низким. Этому способствовал ряд факторов: шла неудачная кровавая война, особенно тяжким бременем ложившаяся на деревню; простые солдаты оставались в неведении смысла войны и не понимали, почему духовенство поддерживает войну. Кроме этого, Временное правительство, стремясь создать из волостных и земельных комитетов опорные пункты борьбы с революционной деревней, содействовало избранию в них помимо помещиков и кулаков представителей духовенства. На это часто жаловались в письмах в местные Советы крестьяне, а также рабочие и солдаты, сохранившие связь с деревней. Так, солдаты 301-го Бобруйского полка М. Тимошенко и П. Незнайко писали о контрреволюционной агитации духовенства в селе Люшевская-Салтановская Могилевской губернии: «Тяжело, дорогие товарищи, читать письма из деревни, народ весь темный, а священники этим пользуются. Выбранные состоят исключительно из помещиков и их сыновей, всех их поставил священник и волостной старшина, а народ их вовсе не выбирал. Некоторые крестьяне просят всю эту буржуазию сместить, а на их место поставить солдат» [1, с. 165–166]. Поэтому вместе с антивоенными росли и антицерковные настроения. Падению авторитета Церкви способствовала и антигосударственная и антицерковная пропаганда левых партий [11, с. 215]. На территории белорусских губерний процесс расцерквления, секуляризации социальной жизни усугублялся тем, что значительная часть местного дворянства была полонизирована и поэтому враждебно настроена к РПЦ [12, с. 9].

¹ В марте 1917 года Синод распорядился приводить паству к присяге Временному правительству без освобождения паствы от присяги, принесенной ранее императору

Заключение. Белорусские православные священно- и церковнослужители до прихода к власти Временного правительства весной 1917 года поддерживали существующий государственный строй и выступали в защиту самодержавия, призывая сплотиться «вокруг царского престола и церкви». Однако после революционных событий февраля – марта 1917 года, убедившись в невозможности возврата Российской империи к монархии, белорусское православное духовенство поддержало Временное правительство, объявив его в проповедях и воззваниях как «Богом данное», оказав тем самым сильное воздействие в пользу нового правительства на население белорусских губерний. Когда стала очевидна неспособность Временного правительства проводить необходимые реформы в стране, усилилась контрреволюционная агитация духовенства. И несмотря на то, что в июле 1917 года был созван Поместный собор, религиозный вопрос в общественной жизни государства остался нерешенным. Накануне победы большевиков, доверие к РПЦ было подорвано, что явилось одной из причин процесса расцерквления и секуляризации на территории белорусских губерний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грекулов, Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е.Ф. Грекулов. – М.: Наука, 1969. – 184 с.
2. Воробьев, А.А. Отношение священнослужителей белорусских губерний к власти в 1917 г. / А.А. Воробьев, В.Н. Афанасьев // Религия и общество-3: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2008. – С. 76–78.
3. Бабкин, М.А. Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (весна, 1917 год) / М.А. Бабкин // Отечественная история. – 2005. – № 3. – С. 109–124.
4. Российский государственный архив (РГИА). – Фонд 796. – Канцелярия Святейшего Синода. – Оп. 209. – Д. 2832. Определение Св. синода № 1207 «Об обнаружении в православных храмах актов 2 и 3 марта 1917 г.». 6 марта 1917 г.
5. Бабкин, М.А. Русская православная церковь и Февральская революция 1917 года. Политический архив XX века / М.А. Бабкин // Вопросы истории. – 2004. – № 2. – С. 3–28.
6. РГИА. – Фонд 1278. – Государственная дума. – Оп. 5. – Д. 1292. Телеграмма Родзянко, посланная епископом Полоцким и Витебским Кирионом (Садзегелли). 5 марта 1917 г.
7. РГИА. – Фонд 796. – Канцелярия Святейшего Синода. – Оп. 209. – Д. 2832. Из послания Св. синода РПЦ «К верным чадам Православной Российской Церкви». 9 марта 1917 г.
8. Бабкин, М.А. Реакция Русской православной церкви на свержение монархии в России (Участие духовенства в революционных торжествах) / М.А. Бабкин // Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. – 2006. – № 1. – С. 70–90.
9. Русское православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.
10. Бабкин, М.А. Поместный собор 1917–1918 гг.: вопрос о совести православной паствы / М.А. Бабкин // Вопросы истории. – 2010. – № 4. – С. 52–61.
11. Пospelовский, Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР / Д.В. Пospelовский. – М.: Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 1996. – 408 с.
12. Кривонос, Ф. У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы по истории Минской епархии (1917–1939 годы). – Минск: МФЦП. – 2007. – 240 с.

Поступила 14.04.2014

ATTITUDE BELARUSIAN PROVINCES CLERICS TO POWER DURING 1914–1917

E. KULABUHOVA

This article discusses issues related to the attitude of the clergy Belarusian provinces to power for the second decade of the XX century. Analyzed changes in the relationships of the Belarusian Orthodox clergy with the government for several years, starting from 1914 and ending with the year 1917. Author rightly concludes that before the events of February 1917 the Belarusian Orthodox clergymen and church supported the existing state system and advocated autocracy. However, the religious question in the public life of the state remained unresolved. After coming to power of the Provisional Government of the Russian Orthodox Church's prestige plummeted, and after the Bolsheviks came to power, and all the territory of Belarusian provinces began the process of secularization.